

Прорыв к морю

Константин Ситников

ФАНТАСТИКА

В июле, в одиннадцать часов утра, сидя в душной каморке начальника железнодорожной станции, капитан Антонов и не подозревал, что ему было суждено восстановить ход истории.

На руках у него было два туза, а у начальника станции две дамы, семерка пик и козырная девятка. Начальник шевелил лиловыми губами и тяжело отдувался. Фуражку с молоточками он еще четверть часа назад положил рядом на стол, обнажив лысину, на которой поблескивала испарина. Начальником он был новым, назначенным вместо прежнего, лата, которого десять дней назад расстреляли за саботаж.

Сначала Антонов разглядывал его рыхлое лицо с серыми навывкате глазами под рыжеватыми бровками. Потом, сцепив пальцы с зажатыми в них тузами, равнодушно отвернулся к окну. За окном ничего не происходило. Перрон был пуст, и пути были пусты, если не считать товарняка, стоявшего тут уже десятый день. Взгляд рассеянно скользил по круглым бокам почерневших от мазута цистерн и вдоль длинных платформ для перевозки танков. Там, на путях, — зной, тяжелый и жирный, как мазут. А по ту сторону путей, на лесной поляне, под пропитанным соляжкой брезентом, затаилась до поры до времени железная беспощадная смерть.

В правом виске у Антонова заломило, будто в череп вставили железный костыль и принялись медленно, с садистским наслаждением, вращать.

Карты, карты... Он поглядел на начальника станции. Чего эта сволочь тянет? И Антонова охватила ледяная ярость. Вынуть из кобуры тяжелый, холодный пистолет, приставить к его разгоряченной лысине и спустить крючок... Но ярость тут же испарилась. Только апатия и легкая дрожь пальцев.

Мимо окна прошли двое с синими нашивками. Они выглядели неприлично выхоленными и всем своим видом наводили на мысль о прохладных кабинетах с кондиционерами, тонким запахом дорогих сигарет и дорогого мужского одеколona. Они были словно пришельцы из иного мира — стерильно чистого и холодного. Антонов прикрыл глаза, чтобы унять боль в виске, и поплыл, поплыл куда-то... потом вздрогнул, сильно качнувшись вперед, облизал пересохшие губы и с удивлением воззрился на начальника станции. Тот уже не сидел за столом, а стоял — теперь опять в фуражке, прижавшись жирной спиной к стене, и подобострастно глядел мимо Антонова. Однако больше всего Антонова удивили брошенные на стол карты — картинками кверху: две дамы, семерка пик и девятка козырей. Хотя он и без того знал этот расклад: у него была феноменальная память, особенно на числа. Однако чтобы начальник станции вот так вдруг бросил начатую игру?..

Глядел начальник станции на двоих в синих нашивках.

— Капитан Антонов? — вежливо осведомился майор. — Пройдемте с нами.

У майора были широкие, гладко выбритые щеки и хорошие, честные глаза работника спецслужбы. У младшего лейтенанта тоже были хорошие, честные глаза. Нарочно их, что ли, таких подбирают?

Вот и все, подумал Антонов. Он поднялся, растерянно посмотрел на бесполезных теперь тузов и положил их на стол — рубашками кверху, словно еще собирался вернуться и закончить игру.

— Я арестован? — спросил.

Майор вдруг улыбнулся, но ничего не ответил.

Они вышли на площадь, и Антонов почувствовал, как ватное одеяло жары оборачивает его тело. Сейчас бы в озеро, прохладное, с серою пеной вокруг скользких стеблей тростника... Они обошли желтое здание вокзала, спустились по ступенькам и завернули за чугунную ограду. За оградой был небольшой каштановый парк. Место тенистое и уединенное, очень подходящее место... Сейчас они достанут пистолеты, понял Антонов, и расстреляют. Он всегда был уверен, что в любое мгновение его могут арестовать и расстрелять, просто так, без всякой причины.

В глубине парка стоял двухэтажный дом. Прошли в обшарпанный подъезд и поднялись по лестнице. Майор позвонил, щелкнул замок. Открыл им лейтенант. В прихожей, как в обыкновенной казарме, пахло сапогами и застарелым потом. Вот тебе и иной мир! Антонов даже разочаровался.

— Подождите здесь, — сказал майор, скрылся в комнату и плотно прикрыл за собой дверь. Лейтенант остался возле входной двери, за спиной у Антонова. Прошла, верно, минута, опять появился майор и приказал: — Проходите.

В комнате стоял лишь огромный письменный стол, на котором лежала одинокая папка с тесемками да сиротливо жался к противоположной стене черный кожаный диванчик. Окно было распахнуто настежь; перед ним — табурет. За столом сидел полковник разведывательной службы. Тяжелое анемичное лицо и короткая седая стрижка.

— Антонов Павел Николаевич? — спросил он, раскрывая папку и бегло просматривая первую страницу.

— Он самый, — не по уставу ответил Антонов.

— Командир второй танковой роты четвертого батальона капитан Антонов... — И странное дело — взгляд у полковника потеплел. Он кивнул на табурет: — Присаживайтесь, Павел Николаевич. Вы на меня не сердитесь, — сказал он вроде как даже виновато.

Теперь уже Антонову настала очередь удивляться. Полковник вдруг вскочил и нервно прошелся по комнате. Антонов тоже поднялся.

— Черт, не могу я так! — Полковник остановился перед Антоновым, одно веко у него неприятно подергивалось. — Ты меня не помнишь, Паша? Ну, посмотри, посмотри внимательней. — И жадно впился глазами в лицо Антонова. — Ведь это ты... я чувствую — ты!.. Ну? — спросил с надеждой. — Узнал?

Антонов медленно повел головой. Полковник постоял перед ним еще несколько секунд и наконец проговорил, помрачнев:

— Хорошо. — Вернулся за стол и, достав из папки пачку больших фотографий, не глядя протянул их перед собой. — Ознакомься.

Антонов взял их левой рукой — он был левша. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания полковника. Он прищурился, но ничего не сказал.

На фотографии крупным планом в разных ракурсах была изображена мужская голова с очень аккуратным круглым отверстием в виске. Мужчина как две капли воды походил на Антонова. К одной из фотографий скрепкой был прикреплен листок из блокнота.

— Читай, читай, — нетерпеливо бросил полковник.

Антонов прочел:

«Антонов П.Н. Казань. Танковое училище, 15 янв. 015 г. 16-55. При обнаружении пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. При осмотре перевернут на спину. В области правого виска огнестрельная рана, кровотечения из раны в момент осмотра нет. Зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет, самостоятельное дыхание отсутствует, выраженный цианоз лица.

Сделан непрямой массаж сердца.

17-10. Приехала реанимационная бригада. Мероприятие 20 мин не дало эффекта, прекращено. Констатирована смерть.

Установлено: в 16-15 пациент, выйдя из корпуса училища, выстрелил себе в висок из табельного пистолета «Макаров».

Капитан медслужбы (и подпись)».

Антонов перевернул листок, однако на обратной стороне ничего не было. Аккуратно сложил фотографии, вер-

нул их полковнику. И тут, опять некстати, заломило в виске, железный костыль стал вращаться, все глубже врубаясь в мозг, и еще задел правое глазное яблоко, и оно сразу же начало болезненно пульсировать. Сжав зубы, Антонов попытался сложить губы в ироническую усмешку: не хотелось, чтобы полковник заметил, что ему плохо.

Вероятно, тот не заметил и резко подался вперед:

— Где вы были пятнадцатого января 015 года в шестнадцать часов пятнадцать минут, Антонов? Или как вас там зовут на самом деле?

— Меня зовут Павел Антонов, — сквозь зубы процедил Антонов, стараясь унять боль, которая захватила уже всю правую половину головы. — Пятнадцатого января 015 года в шестнадцать часов пятнадцать минут я был в аудитории, читал курсантам историю.

— Неправда! Еще десятого января вас временно отстранили от ведения занятий за подозрение в попытке изнасилования младшего курсанта! Почему вы говорите неправду?

Антонов покачнулся. Огромное огненно-красное колесо закрутилось у него перед глазами, письменный стол, полковник, стены комнаты тронулись с места, поплыли. А потом он почувствовал, что голову ему приподнимают чьи-то мягкие, сильные руки.

— Паша? Паша, ты в порядке? — доносился откуда-то издалека знакомый голос. — Зуев, поддержи его! Дай мне стакан!

В губы Антонову ткнулся край стакана, и с первым же глотком холодной, почти ледяной воды туман перед глазами начал рассеиваться. Антонов захлебнулся, и вода полилась у него по подбородку.

— Д-достаточно, Николай Алексеевич, — проговорил он. Стакан исчез.

— Зуев, давай-ка его на диван...

Прошла еще, верно, минута. Теперь полковник присел рядом на диван и яростно замахал рукой на лейтенанта Зуева, чтобы тот вышел из комнаты. Они остались одни.

— Ну, ты вспомнил, Паша? — спросил он взволнованно.

— Это все неправда, Николай Алексеевич! — Антонов даже попытался привстать, но полковник не дал ему этого сделать. — И они тоже все знали. Этот генеральский сынок с друзьями... Я застал их... Но они запугали мальчика, и он показал на меня. Вы мне верите, Николай Алексеевич?

— Верю. Я верю тебе, Паша, — твердо сказал полковник. — Мы с Машей посчитали, ты умер. Ну а как иначе: ведь констатировали смерть! Я хотел забрать тебя из морга, похоронить. Написал прошение. А мне отвечают: труп исчез. Чертовщина какая-то! Так вот просто: был и исчез... Где ты пропадал все это время, Паша? Хотя, нет, не отвечай. Я ведь чувствую, что ты... ну, ты не можешь, не имеешь права сказать. Так, да?.. А вот сегодня — гляжу, в списках фамилия знакомая. И год рождения — все сходится. Дай, думаю, проверю. Своими глазами хотел убедиться. И вот он ты — живехонек!.. Ну, как ты? Что теперь? Скажи, что я могу? Проси — что ты хочешь?

Антонов уже отошел от обморока. Поднялся.

— Николай Алексеевич, — вздохнул, стараясь не глядеть на полковника, — вы можете выписать мне какой-нибудь пропуск? Ну, знаете, эти... которые по Соглашению.

— Ты что, к латам в тыл собрался?

— Да нет... Надоело все. Хочу на море взглянуть. Сто лет на море не был. А, Николай Алексеевич?

Полковник пожевал губами.

— Ладно. Я доверяю тебе, Паша, — произнес он наконец. Подошел к столу, вынул из ящика бланк и, не садясь, быстро написал на нем несколько строк. — Бери.

Антонов взял этот бланк и, аккуратно сложив его несколько раз, сунул в карман кителя.

— Спасибо. Я могу идти?

— Иди, Паша.

Встречаться с начальником станции не хотелось, и Антонов сразу же перешел пути напротив складов. Затем углубился в лесок. Еще несколько шагов, и за кустами показались брезентовые бугры. Из-под брезента вкусно пахло горячим железом и соляной кислотой.

Он стащил с танка нагретый солнцем брезент и забрался в парное нутро машины. Попрыгал на сиденье, устраиваясь поудобней, положил руки на рычаги — и тихонько засмеялся. Хорошо!

И тут за спиной кто-то заворочался. Антонов обернулся и различил заспанное мальчишеское лицо. Смешно оттопыренные уши. Лицо показалось ему знакомым. Ну да, рядовой Шалагин. Тот самый, который десять дней назад отказался расстреливать бывшего начальника железнодорожной станции, лата. «Я тебя самого расстреляю, слюнтяй!» — пообещал тогда комвзвода. Надо же, понял теперь Антонов и удивился: не расстрелял!

— Ты чего здесь? — спросил его.

Взгляд у рядового Шалагина сделался виноватым.

— Я убежал, — признался он. И огорченно добавил: — Да ну их всех, дураки какие-то!.. Я ведь ему говорю, что не могу, а он свое... Как это можно быть таким тупым?.. Ну если не могу, разве я виноват? Нет — он свое талдычит!

Антонов уже не слушал его, усиленно соображая, что же делать с мальчишкой. Пропадет ведь. А, была не была! — Рядовой Шалагин! Слушай мою команду!

Шалагин замолчал и подобрался.

— Тебе, Шалагин, поручается выполнение ответственного задания. Операция называется «Прорыв к морю».

— А что я должен делать?

— Как это «что»? Сесть на место стрелка, надеть шлем и ждать дальнейших распоряжений.

— Вот здорово, — только и сказал Шалагин. Быстро перебрался вперед, натянул шлем и застегнул ремешок.

Антонов оглядел его и остался доволен. Он тоже натянул шлем с наушниками, включил бортовой компьютер, открыл смотровые щели и запустил дизель. Верхний люк задраивать не стал, чтобы хоть немного обдувало ветерком. А ветерок будет, обязательно будет, это точно!

Машина заурчала, мягко двинулась с места.

На шоссе стоял грузовик. Пустой. Это хорошо, что пустой, подумал Антонов и прибавил скорость. Хорошо! Его опять охватило беспричинное веселье. А Шалагин испуганно вскрикнул и обхватил голову руками. Ствол их танка уже пробил дощатый кузов насквозь, заостренный корпус протаранил грузовик, гусеницы легко, как игрушку, подмяли его под себя, протаскивали грохочущие, разваливающиеся обломки по бетонному покрытию. Шалагин тут же подскочил, высунулся из башни и вдруг заорал восторженно:

— Мы сделали его, товарищ капитан! Мы сделали его!
— Ну вот, а ты боялся, — улыбнулся Антонов. — Это как с первой женщиной. Только вначале страшно.

Шалагин вернулся на свое место и жадно впился глазами в смотровые щели. Они мчались по шоссе, и теперь ничто не заслоняло обзор. И дух захватывало от солнца, быстрой езды и ощущения свободы.

— Товарищ капитан... — начал Шалагин.

— Зови меня Павел Николаич, — перебил его Антонов.

— А меня — Алеша, — вставил Шалагин. — Алексей. Тоже Николаич. — И тут замаялся. — Товарищ ка... Павел Николаич, меня теперь расстреляют, да? Я ведь сбежал.

— Я скажу, что приказал тебе.

— Но ведь это неправда.

— Какая разница!

Они замолчали.

— Куда мы едем?

— На запад, — только и ответил Антонов.

— Мы дезертировали?

— Мы просто едем на запад.

— А потом?

— Потом будет море.

Книжка была без названия, ибо без обложки. Шалагин нашел ее в школьной библиотеке, где еще пару дней назад он сидел под арестом. Половина страниц в ней оказалась вырвана, но это уже не имело никакого значения: книжку все равно невозможно было читать подряд, потому что не обнаруживалось в ней ни сюжета, ни главного героя.

И вот теперь, покуда они катили по безлюдному шоссе под ярким солнцем, Шалагин, развалясь на внешней броне танка, развлекал себя и Антонова тем, что открывал безымянную книжку наугад и что-то громко из нее зачитывал.

Это были простые рассказы о простых событиях. Например, о том, как один человек встал утром и куда-то пошел, встретил другого человека, они о чем-то поговорили и пошли туда-то. При этом звали этих людей всегда очень длинно и смешно — Шалагин спотыкался на втором слоге, возвращался к началу и с удовольствием повторял трудное слово. Забавней же всего было то, что в описываемые события, вообще-то очень простые и понятные, в самый неподходящий момент вдруг вмешивались какие-то ангелы с мечами или происходили еще какие-то сказочные чудеса, и тогда Шалагин удивленно шевелил розовыми ушами, перечитывал это место и затем вдруг заливался неудержимым хохотом.

Антонов, глядя на него, тоже не мог удержаться от улыбки.

— Э, вот... Валаам встал поутру, — читал Шалагин, водя пальцем по странице, — оседлал ослицу свою и пошел с князьями Моа... Моавитскими. Моавитскими... И воспылил гнев Божий за то, что он пошел, и стал Ангел Господень на дороге, чтобы воспрепятствовать ему... Ха, ангел стал!.. Э, дальше... Он ехал на ослице своей, и с ними двое слуг его. И увидела ослица Ангела Господня, сто-

ящего на дороге с обнаженным мечом в руке... Ха, ангел на дороге с мечом стоял!.. И своротила ослица с дороги... Во прикол! Ослица увидела ангела и своротила! Что, интересно, она ему своротила?.. Или вот еще. — Шалагин снова открывал книжку наугад и зачитывал: — Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его... Иессей родил Давида царя... Ух ты, царя! Как же они их всех родили, не пойму?.. Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею... Ну вот скажите, Павел Николаич, есть в этом какой-нибудь смысл?

Антонов только улыбался.

Потом Шалагин закрывал книжку и начинал философствовать. Например, так:

— Павел Николаич, а у вас мысли бывают?

— Как это?

— Ну, мысли, — шевелил ушами Шалагин. — Вот, скажем, война эта. Ведь это никакая не война. Какая же это война? Война — это когда одни воюют против других. А против кого мы воюем?

— Против латов.

— Да разве мы *ПРОТИВ НИХ* воюем? Мы же *С НИМИ* воюем.

— А какая разница? Что-то я не пойму тебя, Алеша.

— Как это — какая разница! Большая. Мы *С НИМИ* воюем. Только вот против кого?

Антонов в ответ только хмыкнул. Он был уверен, что Шалагин и сам не понимает, о чем говорит. И все же в словах мальчишки было что-то такое... Антонову показалось даже, что это не Шалагин сам говорит, а кто-то другой говорит через Шалагина. Вот и теперь, вроде бы полная бессмыслица... И тут вспомнилось.

Э то и тогда вызвало у него недоумение, какое-то беспокойство. Случилось это еще в Резекне, как раз накануне Соглашения, рано утром. Танковая рота Антонова должна была двигаться к промышленной части города и захватить химический завод. Разведка донесла, что там все вроде бы спокойно. Но с самого начала операции Антонова не оставляло гнетущее ощущение надвигающейся катастрофы. Он и сам не мог понять, в чем дело. Никогда раньше с ним такого не случалось.

Старинные, мощенные камнем улицы, кое-где перегороженные развалинами или бетонными блоками баррикад, казались мертвыми. Мирные жители покинули Резекне еще два дня назад, город дважды утюжила тяжелая артиллерия. Казалось бы, чего еще? Ан нет же...

Они двигались колонной, поднимая густую пыль. Временами откуда-то слева наплывал жирный черный дым, и становилось темно, как ночью. Уже на полпути по радиции пришло сообщение о том, что в западной части города появилась колонна танков латов. Откуда они взялись и куда направляются, было совершенно непонятно. И тогда Антонов подумал, что предчувствия, которые в тот день с самого утра неотступно преследовали его, начинают становиться явью. Он запросил командование, продолжать ли выполнение операции, или будут какие-то иные распоряжения. Ему ответили, что ситуация под контролем и он должен выполнять задание.

И вот тут-то произошла первая странность, о которой Антонов впоследствии старался не вспоминать и уж тем более никому не рассказывать. Едва они миновали какой-то магазин и уже собирались пересечь перекресток, как слева опять же наплыл черный туман, потом неторопливо рассеялся, и дальше Антонов увидел из своего танка стену дома по ту сторону улицы. Торцовая стена, без окон, стена пятиэтажного здания, оштукатуренная и выкрашенная светло-розовой краской. Ничего особенного в ней не было, но как раз в тот момент, когда рассеялся

туман, солнце выглянуло между домами, и эта стена вдруг озарилась ярким розовым светом, словно исходящим изнутри — ну, как будто зажгли свечку в японском волшебном фонарике. Эта светящаяся стена так поразила Антонова, что он дал знак водителю остановиться. И дальше связался со второй машиной. Почему он это делает, ему было непонятно, но отчего-то возникла твердая уверенность: так правильно.

— Второй, берешь командование на себя. Двигаться строго колонной. Если нарветесь на латов, отступайте. В бой не ввязываться. Я вас догоню. Все.

Он дождался, пока колонна пройдет мимо, и двинулся по узкой боковой улочке.

Потом Антонов никак не мог взять в толк, почему командованию вздумалось начать обстрел именно этой части города и именно в эту минуту. Нет, конечно, потом ему объяснили, что разведка донесла о появлении вражеских танков. Во всяком случае, одного танка. И у Антонова не было оснований этому объяснению не верить, тем более что он сам этот танк видел... В общем, как бы то ни было, но неожиданно все пришло в движение, потеряло твердые очертания, смазилось, словно стала исчезать сама реальность. И лишь когда справа возник остов трехэтажного дома с пустыми почернелыми окнами, а слева взгромоздилась бесформенная груда кирпичных обломков, адский грохот на несколько минут утих. И сразу, как только это произошло, из чудом уцелевшей подворотни прямо на танк Антонова выскочила женщина.

Водитель едва успел резко остановить машину, а женщина набросилась на танк с кулаками. Она надрывно кричала. И тогда Антонов совершил второй за этот день необъяснимый поступок: в бешенстве он вынырнул из люка и покрыл женщину матом. Ну, вот так, вместо того чтобы... Женщина оказалась латкой, но по-русски умела ругаться не хуже Антонова. Исполнив этот этюд, она срывающимся голосом потребовала:

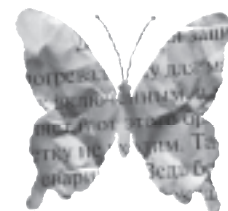
— Поворачивай! И за мной!.. — И вдруг просящим голосом: — Давай, милый!

Окончательно ошалевший Антонов не нашелся что сказать. Поэтому просто велел водителю двигаться за женщиной. Но через минуту он уже все понял.

В подворотне, откуда выскочила эта женщина, рискуя попасть под гусеницы танка, жалась к стене кучка детишек. Их было пять или шесть. Все мальчишки и только одна девочка. Эта девочка почему-то особенно запомнилась Антонову. Она посмотрела ему прямо в глаза, и в ее взгляде он не увидел ни удивления, ни страха. То был спокойный, взрослый взгляд. Взгляд неребенка.

Антонов все понял. Оставлять детей здесь — безумие. Попробовать вывести их из района обстрела, прикрывая броней танка, — тоже безумие, но все же дающее шанс. Пусть так. И в нескольких словах объяснил женщине, что они должны делать, а именно: бежать, держась как можно ближе к броне.

Она поняла, и они двинулись. Но тут же все вокруг опять наполнилось адским грохотом.

Длилось это долго. Антонову все казалось, что, если машина прибавит ходу, детишки отстанут, и тогда огонь сметет их, уничтожит. Он был так сосредоточен на том, чтобы дети не отстали, что поначалу не заметил, как впереди, прямо по ходу их движения, появился тяжелый латский «балуодис».

Пушка «балуодиса» была направлена прямо в лицо Антонову и, казалось, уже готова плюнуть огнем. Танки остановились друг против друга. И тут вперед вышла женщина, а за ней потянулись дети. На прощание девочка снова поглядела Антонову прямо в глаза, и он вдруг понял: теперь все будет хорошо. Теперь эти дети выживут... Ну, пока так и выходило: женщина с детьми перешли под защиту «балуодиса», и латский танк попятился, пока не скрылся за грудой каких-то развалин.

Антонов с облегчением спустился на свое место и махнул водителю рукой: возвращаемся. Они развернулись и помчались обратно. И только тогда он вдруг осознал, что обстрел закончился.

Антонов присел рядом со спящим неподалеку от их танка Шалагиным, сорвал травинку и принялся ее грызть. На солнце налезло маленькое пухлое облачко, и они оказались на затененном островке среди золотистого моря света. Высокие травы с сиреневыми цветами гудели насекомыми, сухо трещали кузнечики.

— А я знаю, зачем война, — сказал Шалагин. Оказывается, он и не спал вовсе. — Вот мы воюем, — продолжил Шалагин. — Генералы придумывают стратегические планы, командиры отдают приказы, рядовые стреляют. А кончится все какой-нибудь малостью, которой никто и не заметит. — Он помолчал и задумчиво добавил: — А вот она-то и имела решающее значение.

— Как, как ты сказал? — Антонов даже перестал грызть свою травинку.

Кузнечик сорвался с его колена, в стороне качнулась сухая былинка, бабочка взмыла в небо и пропала в синеве, облачко наконец слезло с солнца, и воздух снова наполнился печным жаром. Но Антонов уже не замечал ничего вокруг, его целиком захватила новая мысль, почти видение.

...В старинном, очень красивом городке Резекне, что на пути к морю, живет себе девочка по имени, ну, скажем, Элзи. Живет себе, живет, и никто во всем ее маленьком мире не сомневается, что станет она красивой девушкой, познакомится с хорошим парнем с соседней улицы, выйдет замуж, родит двойню и, придет срок, неторопливо состарится и тихо угаснет в окружении любящих детей и внуков. А в это самое время на другом конце этой маленькой страны, где-нибудь в Лиенае или Вентспилсе, живет себе мальчик по имени, ну, пусть будет Виестур. И никогда бы эта девочка с этим мальчиком не встретилась, да вот зачем-то кому-то понадобилось, что-

бы они обязательно встретились. Может быть, должен родиться от них какой-нибудь там Авраам, который потом родит какого-то Исаака... И вот, может быть, именно только для того чтобы так и вышло, двинулись бронированные чудища, извергая магму войны. И именно для этого некий капитан Антонов, год назад из-за навета на него простреливший себе башку в старинном и не менее красивом городе Казани, а потом вынырнувший вдруг неведомым образом из небытия, помог этой девочке вместе с другими детьми выбраться из горящего Резекне в какой-нибудь распределительный пункт для беженцев, откуда эвакуируют их в тот самый Вентспилс, где и встретится она со своим ненаглядным Виестуром. И вот что еще достойно удивления: спасал-то ее Антонов из-под нашего же обстрела, а помогал ему враг. Ну, удивительно, согласитесь: кто же враг, а кто друг в этой войне, войне кого и с кем?

И пока Антонов размышлял обо всем этом, Шалагин достал из-под гимнастерки свою книжку без названия, открыл наугад и громко зачитал некую фразу — фразу без начала и без конца, лишённую, как казалось, всякого рационального смысла, но все-таки каким-то странным образом созвучную тому, что происходило сейчас:

— Сыны Израилевы опять стали делать злое пред очами Господа, и укрепил Господь Еглона, царя Моавитского, против Израильян, за то, что они делали злое пред очами Господа. И служили сыны Израилевы Еглону, царю Моавитскому, восемнадцать лет. Тогда возопили сыны Израилевы к Господу, и Господь воздвигнул им спасителя Аода, сына Геры, сына Иеминиева, который был левша... Левша, — повторил Шалагин и с удовольствием пошевелил ушами. — Тут опять вырвано, — сообщил он Антонову. — Дальше читаю... И сказал им: идите за мною, ибо предал Господь Бог врагов ваших Моавитян в руки ваши. И пошли за ним, и перехватили переправу через Иордан к Моаву, и не давали никому переходить. И побили в то время Моавитян около десяти тысяч человек, всех здоровых и сильных, и никто не убежал... — Шалагин запнулся, пошевелил ушами и удивленно повторил: — Никто не убежал!

Антонов смотрел на него и думал. Десять тысяч, думал он. Здоровых и сильных... Он вспомнил, как они перекрыли танками переправу через Зилупе и расстреливали из пулеметов латских мальчиков. Тогда тоже никто не убежал... А ведь могли, с сожалением подумал он. Расстреливали только тех, кто пытался переправиться. Эти мальчики могли бы просто отступить и остаться в живых. Но никто не убежал. Никто.

Шалагин еще раз перечитал это место, губы у него надуть, и он вдруг залился веселым мальчишеским смехом.

Антонов, глядя на него, улыбнулся.

Море, их ждало море.

